

УДК 82:802/809

**СКРЫТОЕ РАЗВИТИЕ ГЕНДЕРНЫХ МОТИВОВ И ОБРАЗОВ
В «МЕРТВЫХ ДУШАХ» Н.В. ГОГОЛЯ***С.В. Синцова***Аннотация**

В «Мертвых душах» (преимущественно в трех первых главах) выявлены многочисленные ассоциации гендерного плана с другими произведениями Гоголя. Высказано предположение, что благодаря им в творчестве писателя сформирован сложный и разноплановый интертекст, основу которого составляет тема отношений мужского и женского начал человеческой души.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, гендер, ассоциации, мотивы, интертекст.

Ассоциации, смысловые связи «Мертвых душ» с другими произведениями Гоголя не раз рассматривались исследователями¹. Но никогда прежде все эти разноплановые ассоциативные контексты не соотносились с гендерной проблематикой творчества писателя. В предлагаемой статье впервые предпринимается такого рода попытка.

В экспозиции и завязке сюжетных линий «Мертвых душ» довольно отчетливо обнаруживается влияние гендерной проблематики цикла «Миргород»², особенно его последнего произведения – «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» [3]. Такое влияние обнаруживается в немалом количестве ассоциаций, иногда легко опознаваемых, иногда глубоко скрытых.

Таков, к примеру, образ дороги, во многом определивший «архитектонику» хронотопа поэмы³. Этот образ, завершающий «Миргород» и возникающий с первых строк поэмы, косвенно указывает на связанность двух произведений в проблемно-смысловом плане, на что не раз обращали внимание литературоведы.

У дороги в поэме нет определенной цели, как нет ее у этого образа и в цикле «Миргород». Эта дорога может вести и в Москву, и в Казань (разговор двух мужиков), что сообщает ей оттенки скитания по свету, явно присутствовавшие в последних строчках цикла. Причем у этого скитания со временем появится

¹ Особенно пристальное внимание уделяется ассоциативно-смысловым связям «Мертвых душ» с «Выбранными местами из переписки с друзьями» (Ю.В. Манн, Н.Л. Степанов, Е.Н. Куприянова, Е.А. Смирнова, Ю. Барабаш, В. Воропаев, С.А. Гончаров, В.М. Вайскопф, И. Хольмстрем и др.). Основательно и аргументированно связь поэмы с циклом «Миргород» рассмотрена Г.А. Гуковским в его монографии «Реализм Гоголя» [1].

² Данный аспект анализируется в работах С.В. Синцовой (см. подробнее [2]).

³ Интересные наблюдения об образе дороги, его отличии от пути изложены в статье Ю.М. Лотмана «Художественное пространство в прозе Гоголя» [4]. Различные художественно-смысловые оттенки образа дороги (сюжетное время, историческое) в «Мертвых душах» выявляет Ю.В. Манн, соотнося этот образ с контрастирующими ему захолустьем, болотом, пропастью, омутом, могилой [5]. О хронотопе дороги в произведениях Гоголя писала И.И. Меркулова [6].

и намеков на некоторое мистическое «измерение», когда выяснится, с какой целью путешествует Чичиков. А такое иномирное пространство – еще одна ассоциация с образом скитальца из финала «Миргорода», человека, которому кажется скучным «этот свет»...

Возникающий с первых же строк «Мертвых душ» образ дороги, как бы идущей со страниц предшествующего цикла¹, выполняет в дальнейшем роль своеобразного «магнита», который притягивает и удерживает множество ассоциаций из повестей «Миргорода» и тех, что вошли в «Арабески» или только задумывались Гоголем.

Поначалу такого рода ассоциации «вспыхивают» совершенно случайно, как бы провоцируемые мимолетными впечатлениями Чичикова и рассказчика. Так, «бездна чайных чашек» уподоблена птицам на морском берегу. А на одной из картин, что видит Чичиков, изображена нимфа с огромными грудями, привезенная, возможно, из Италии... К этому, хоть и карикатурно трансформированному, но все же узнаваемому образу русалки из повести «Вий» тут же добавляется описание довольно многочисленных блюд трактирного обеда, что заставляет вспомнить о разносолах Пульхерии Ивановны.

Расспросы Чичикова о чиновниках и помещиках города и уезда сопровождаются дважды повторенным словом «значительный» (значительное лицо из «Шинели»). К этому тут же добавляется упоминание о чине Чичикова (коллежский советник), в котором можно усмотреть объединение коллежского асессора и статского советника из повести «Нос». Взгляд Чичикова вслед даме «недурной наружности» рождает воспоминание о Пискареве и Пирогове из «Невского проспекта».

Постепенно из этой случайной «россыпи» ассоциаций возникает узкий круг довольно устойчивых, постоянно возобновляющихся. В первую очередь это ассоциации с «Повестью о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Эти ассоциации сопровождают образ Чичикова и описание его визитов сначала к чиновникам города, а затем к помещикам.

Так, в облике персонажа доминируют над остальными две особенности, роднящие его с Иваном Ивановичем, носителем двух женских даров². Первый из них – несколько витиеватая речь и манера выражаться неопределенно. Рассказы Чичикова о себе изобилуют «общими местами» и «книжными оборотами»: «Что он незначущий червь мира сего и недостоин того, чтобы много о нем заботились, что испытал много на веку своем, претерпел на службе за правду, имел много неприятелей...» (МД, с. 13). Этот мотив обольстительных речей Павла Ивановича станет затем сквозным в произведении.

Вторая весьма запоминающаяся особенность его образа – «фрак брусничного цвета с искрой» и самое пристальное внимание к своей внешности. Это заставляет также вспомнить об Иване Ивановиче, который, как и Чичиков, очень любил всеобщее внимание, особенно со стороны женщин.

¹ Три первые главы «Мертвых душ» появились уже в 1835 г. вслед за повестями «Миргорода» и тремя повестями из будущего цикла, получившего название «Петербургские повести».

² Мотив женских даров мужчине отчетливо проявляется в творчестве Н.В. Гоголя начиная с повести «Тарас Бульба». Таких даров два: золотое сияние, которым окружен преобразившийся Андрий (в рассказе Янкеля), и голос (см. подробнее [7]).

Из речей и весьма достойного внешнего облика Чичикова рождается то особое обаяние, под действие которого попадают все, с кем он общается. Даже Собакевич, делясь с женой впечатлениями от поездки в город, называет Павла Ивановича «преприятным человеком». Именно обаяние, а также относительная «светскость» и непринужденность поведения так отличали Ивана Ивановича от неуклюжего и косноязычного Ивана Никифоровича.

В этот поток ассоциаций с повестью о двух Иванах почти сразу вплетается еще одна – с ассамблеей у городничего, где предпринималась попытка примирения бывших приятелей. Прием у губернатора своей провинциальной пышностью и блеском весьма напоминает указанную ассамблею. Подробно описаны гости: сначала женщины, потом мужчины. Прокурор с подмигивающим глазом, хоть и отдаленно, но напоминает Ивана Ивановича с кривым глазом. В разделении мужчин на тонких и толстых также можно усмотреть сходство с противопоставлением стройного Ивана Ивановича тучному Ивану Никифоровичу.

Даже Манилов с Собакевичем имеют сходные черты с героями последней повести «Миргорода». Знакома читателей с этими новыми персонажами поэмы, Гоголь описывает Манилова как весьма обходительного и учтвого человека, а Собакевича как неуклюжего и неловкого. Последний похож на Ивана Никифоровича еще и тем, что наступает на ногу своему собеседнику. Обувь Собакевича «исполинского размера» заставляет вспомнить знаменитые нанковые шаровары Ивана Никифоровича.

В описании Чичикова есть деталь, тоже связывающая его образ с Иваном Никифоровичем: табакерка, которую персонаж подносит «своим противникам» (МД, с. 16). Так возникает скрытый намек на возможную победу Ивана Ивановича в ссоре с соседом. Тот, скорее всего, обобран в тяжбе до нитки, до последней любимой табакерки, которая перешла к его противнику. Чичиков же в данных ассоциативных потоках выглядит как некая образная трансформация Ивана Ивановича, отправившегося в путешествие по свету вслед за автором-повествователем.

Становясь постепенно доминирующим, поток ассоциаций с повестью о двух Иванах не вытесняет полностью образно-смысловых связей с другими произведениями «Миргорода» и с так называемыми «петербургскими» повестями. Эти ассоциации продолжают возникать, но появляются скорее как случайные и нередко предстают в сильно трансформированном виде (оттого едва угадываются). Так, описание Петрушки сопровождается упоминанием его «крупного носа и губ» (как у Пеппе из отрывка «Рим»). А буквы в процессе неосмысленного чтения у него так же складываются, как во время переписывания бумаг Башмачкиным...

Возобновление знакомства с Маниловым сопровождается упоминанием портрета, который проще писать с ярких личностей. И беглый эскиз черт такой личности довольно отчетливо соотносим с таинственным ростовщиком-дьяволом («...черные палящие глаза, нависшие брови, прорезанный морщиною лоб, перекинутый через плечо черный или алый, как огонь, плащ...») (МД, с. 22).

Дополняют эти оттенки значений ассоциирование Манилова и его жены с Афанасием Ивановичем и Пульхерией Ивановной. Их отношения чрезвычайно нежны и трогательны даже после восьми лет супружества, а одним из выражений

взаимной привязанности становится кормление друг друга то яблочком, то конфеткой, то орешком (МД, с. 24).

К тому же потоку «идиллических» ассоциаций присоединяется, наконец, легкий намек на Хому Брута. Как тот мечтал о легкой и беззаботной жизни на лоне природы, так примерно и живут Маниловы. Чичиков вполне согласен с ними, «что ничего не может быть приятнее, как жить в уединенье, наслаждаться зрелищем природы и почитать иногда какую-нибудь книгу» (МД, с. 28). Это высказывание намечает связь самого Павла Ивановича с Хомой.

Благодаря разнообразным ассоциациям у эпизода первого приобретения мертвых душ появляются скрытые оттенки смыслов. Они связаны с женскими дарами, а также с символом мужских доблестей (ружье), из-за которых разразилась война двух Иванов. Явный намек на такие дары возникает в комплименте Манилова, готового «с радостью» отдать «половину всего... состояния, чтобы иметь часть тех достоинств», которые имеет Чичиков (МД, с. 28). Поэтому просьба Чичикова оформить на его имя мертвых крестьян отчасти содержит оттенок компромиссного согласия с желанием Манилова: души могут стать «расплатой» за столь ценные достоинства Павла Ивановича. Путешественник как бы готов с ними расстаться (полностью или частично), обменяв их на некое подобие «ружья», хоть и без замка... Так у образа мертвых душ формируется очень скрытый оттенок мужских ценностей, связанных с воинственностью, доблестью, возможно, «товариществом». А сквозь личины Чичикова и Манилова угадываются неясные контуры Андрия и Тараса, в их переговорах намечается напряженный оттенок воинственного противостояния.

Такой воинственности весьма отчетливо противодействует мотив зеркальности, в том его воплощении, какое наблюдалось в повести о двух Иванях (голова, похожие на редьки, но одна хвостом вверх, а другая вниз, и т. п.). Этот мотив зеркального отражения призван высветить в персонажах черты глубинного сходства (двойники). Такое сходство обнаруживается и в разговоре о предпочтении курения табака его нюханию, и в оглядывании назад перед произнесением «просьбы», и в повторении распоряжений приказчику.

Движение таких разнородных смысловых потоков обнаруживается в эпизоде с вперенными друг в друга взглядами. Сравнение приятелей с двумя портретами, висящими друг напротив друга «по обеим сторонам зеркала», содержит весьма отчетливую ассоциацию не только с «Портретом», но и с «Виём», а также с эпизодом на ассамблее у городничего из последней повести «Миргорода». Портреты и зеркало содержат намек на некую встречу «ростовщиков», пытающихся обманом выменять душу друг друга (каждый из них еще уподоблен Чарткову). Подобно Хоме и Вию, они также готовы неким образом «вместиться» один в другого. А ассоциация с взглядами двух друзей-врагов содержит намек на духовное обнищание этих двух подобий «виев», на мелочность их жизненных интересов.

Но мотив зеркальности сглаживает скрытую остроту момента. Торжествует «сердечное влечение», «магнетизм души», как выражается Манилов. Так активизируется элемент скрытого внутреннего родства, признаки двойничества. Сходство персонажей помогает им преодолеть непонимание и назревающую враждебность. Чичиков угадывает сомнения Манилова и тут же их рассеивает.

А тот, в свою очередь, без особых углублений в мотивы «сердечного друга» идет навстречу его желанию и дарит мертвые души.

Через ассоциации с эпизодом выменивания ружья у первого приобретения Чичикова появляется глубинный символический смысл: он получает через дар Манилова некие мужские качества, частично оставляя ему взамен нечто женское, притягательное. Намек на «женский дар», что оставляет Павел Иванович, есть в эпизоде прощания с семейством Манилова. Чичиков вдруг несколько неожиданно и трогательно общается с детьми. Сабля и барабан, которые он им обещает, совсем не вяжутся с предположениями родителя о дипломатическом поприще Фемистоклуса. Такие подарки – знаки воинственности, которые поддерживают ассоциацию Чичикова с Тарасом, а детей Манилова – с Остапом и Андрием... В результате у всей сцены появляется скрытый смысл: взамен мертвых душ Чичиков оставляет Манилову свое чадолюбие.

Однако не только это переходит от Чичикова к его новому другу. В мечтах, заключающих вторую главу, Манилов видит себя таким же, как Павел Иванович. Оба «приехали в какое-то общество в хороших каретах, где обвораживают всех приятностию обращения» (МД, с. 38). Здесь с даром «обвораживать» сопряжен некий высокий чин (значительное лицо). Манилову «оставляются» также безмятежно-идиллическая жизнь на лоне природы (Хома) и радости дружеского общения (два Ивана).

Мотив двойничества, сопровождающий образ «даров» Чичикова и Манилова, сообщает этим дарам неожиданные смысловые оттенки. Вроде бы выменяв мертвые души на часть своих «женских» качеств, Чичиков на самом деле не вполне расстался с ними. В мечтах Манилова они делят все радости: и созерцательную жизнь, и чин генерала, и способность обворожить, и дружбу... Возможно, так намечена новая тема повествования: делаясь, раздавая частицы своих «женских» даров, Чичиков на самом деле отчасти сохраняет их, а также облагораживает тех, с кем торгуется.

Так, оставив часть своих несомненных достоинств новому другу, Чичиков сохраняет одну из завидных своих особенностей: чин и вызываемое им уважение окружающих. Намек на это содержится в полупьяных разглагольствованиях Селифана, когда от поучения лошадям он переходит к характеристике своего барина (начало третьей главы): «Хорошему человеку всякий отдаст почтение. Вот барина нашего всякой уважает, потому что он, слышь ты, сполнял службу государственную, он сколеской советник» (МД, с. 39). Судя по такому зачину новой главы, именно чин и достоинство станут «разменной монетой» в торге с Коробочкой.

Образ этой героини формируется на пересечении двух ассоциативных пластов, соотносимых с совершенно противоположными женскими персонажами «Миргорода». Один из них – старуха-ведьма из повести «Вий», другой – Пульхерия Ивановна из «Старосветских помещиков». Обе ассоциации довольно отчетливы, возникают благодаря нескольким повторяющимся деталям и приметам.

Так, движение Павла Ивановича к домику Коробочки сопровождается сначала грозой, потом мраком, долгим блужданием по степи без дороги (Селифан потерял ее и везет барина полем). Затем слышится собачий лай, свет мелькает в окошке. Дом окружен глухим забором, а встречает Чичикова старуха. Почти незаметно, но все более и более настойчиво к этому потоку ассоциаций с образом

ведьмы из «Вия» добавляются штрихи мифологического образа Цирцеи, превращавшей своих незваных гостей в животных. Не случайно в третьей главе постоянно возникают их голоса, уподобляемые Гоголем человеческим. Весь собачий «хор» он сравнивает с музыкантами. Подобием человеческого языка наделен и индийский петух, с которым Чичиков с утра вступает в перебранки. Петух в ответ на громогласное чихание Павла Ивановича «заболтал ему что-то вдруг и весьма скоро на своем странном языке, вероятно «желаю здравствовать», на что Чичиков сказал ему дурака» (МД, с. 46). На ту же ассоциацию с Цирцеей работает и описание двора, полного разнообразной живностью (МД, с. 46), и сравнение Чичикова с боровом, у которого «вся спина и бок в грязи» (МД, с. 44).

Все эти ассоциации сообщают образу Чичикова ряд скрытых уподоблений. Он – и Хома, заблудившийся в ночи, которого попытаются оседлать. Он – и едва уловимое подобие Одиссея и его попутчиков (путешественник, который скинул перед сном с себя «мокрые доспехи»).

Чичиков ведет себя с Коробочкой еще и как значительное лицо («Шинель»), безошибочно выбирая тон свысока. К тому во многом располагает отчетливое уподобление помещицы Пульхерии Ивановне. Это уподобление довольно явно, легко угадывается в описании разнообразных блюд «вкусной домашней кухни», которыми она потчует путешественника. Перечислены также немалые запасы, мелкие хозяйственные заботы Коробочки. В тексте даже присутствует упоминание об угрозе пожара (одна из «шуток» беспокойного Афанасия Ивановича). Мелькает и образ окна (через него вернулась кошечка Пульхерии Ивановны из леса), в котором Чичиков поутру увидел индийского петуха.

Общая атмосфера безобидности, житейской простоватости позволяет Чичикову с легкостью достичь расположения Коробочки, вызвать у нее доверие. Павел Иванович поступает с ней так же, как с Маниловым: с тем он вел себя как давний и близкий друг, Коробочку же он уподобляет «тетке родной, сестре моей матери» (МД, с. 48). Но видимая безобидность Настасьи Петровны скрывает ее «колдовские» способности. Вступая в торг с собеседником, она незаметно для него покушается на его значительность, его чин и даже достоинство, побуждая своего собеседника к многочисленным психологическим метаморфозам.

Начинает свое дело уездная Цирцея с того, что значительно понижает ранг собеседника, предполагая в нем сначала заседателя, а потом и вовсе откупщика (МД, с. 48). Когда же Чичиков высказывает свою просьбу о продаже крестьян, она опять вспоминает заседателя, требовавшего подати за души. А потом боится продешевить, как если бы перед ней был покупатель меда или пеньки. Поразительно, но Чичиков ведет себя именно как опытный купец, всячески расписывающий выгоды продажи мертвых душ. Под конец, почти исчерпав свои аргументы в роли купца, Павел Иванович уже сам заявляет, что ведет «казенные подряды». Судя по реакции Коробочки, подрядчик для нее – по-настоящему значительное лицо (она заискивает). Но для коллежского советника Чичикова это весьма невыгодное «превращение» (в духе упомянутого Гоголем Овидия). Он и не заметил, что обращен Коробочкой-Цирцеей в подобие «мухи» (одна из неожиданных трансформаций значительного лица). Символом присвоенных женщиной достоинств значительного лица становится лист гербовой бумаги «в рубль ценою».

Но «ведьма» Коробочка не только присваивает то, что принадлежало Чичикову. Она кое-что дает и взамен. Однако это не те дары, что получил Андрий от панны. Дары «Цирцеи» иного свойства, они имеют оттенки, связанные с животным началом.

Один из таких «даров» воплощен в образе девочки-проводника, с ногами, облепленными грязью. Не зная ни «где право», ни «где лево», она без труда вывела бричку на столбовую дорогу. Так за образом девочки неотчетливо закрепляется значение некоего детски-животного чутья, позволяющего интуитивно выбрать верное направление. Чичикову как бы подарена эта способность животного напрямик двигаться к желаемой цели.

Другой дар – телесное здоровье, о котором свидетельствует волчий аппетит героя. Плотно позавтракав у Коробочки, Чичиков еще плотнее обедает в трактире на столбовой дороге (поросенком с хреном и сметаной).

Глубинные ассоциации с образом ведьмы, ее тайными происками продолжают свое развитие и в описании событий, связанных с Ноздревым. Он предстает как ее тайный пособник, попирающий достоинство Чичикова (обзывает гостя, подозревает его в низостях). Тем самым Ноздрев продолжает косвенно «понижать» гостя в «чине». При этом сам «исторический человек» сохраняет скрытое сходство с образами Чертокуцкого («Коляска»), Пульхерии Ивановны (подпаивает Чичикова), Коробочки.

Ассоциации гендерного плана не исчезают и далее. Образ Собакевича имеет скрытые связи с образом Ивана Никифоровича, Плюшкин отдаленно напоминает вдовствующего Афанасия Ивановича (одет в подобие капота), а также Вия (взгляд). Конфликт между мужской и женской партиями, строящими столь разные предположения относительно того, почему Чичиков покупал мертвые души, напоминает не менее яркое противостояние чиновников и дам в комедии «Ревизор», когда они высказывают свои мнения о Хлестакове. В жизнеописании Чичикова также немало ассоциаций подобного типа. В частности, его мечта о тихой семейной идиллии – отдаленное напоминание не только о гармоничном браке старосветских помещиков, но и о мечте Хомя Брута жить тихой и сытой жизнью на своем хуторе... Даже финальный образ полета Руси-тройки имеет скрытые смысловые оттенки, сближающие его с эпизодом из повести «Вий», а именно с полетом Хомя и ведьмы над фантастическим «морем» с выплывающей русалкой.

Наблюдения за ассоциациями гендерного плана позволяют констатировать их последовательное развитие в первом томе «Мертвых душ». Они не только формируют специфический интертекст с ранее написанными произведениями Гоголя, вовлекая их смысловые «поля» в формирование глубинных смысловых планов поэмы. В частности, такого рода ассоциативные «шлейфы» позволяют Гоголю превратить житейскую анекдотическую историю об афере Чичикова в философско-мистическое размышление о скитаниях мужской души, об утрате ею неких женских даров (голос и обаяние), о явленности подлинной сути мужской души (мотив срываемой маски, за которой обнаруживается подобие Наполеона-антихриста). Так благодаря интертекстуальным связям, обеспечиваемым «гендерными ассоциациями», все творчество Гоголя можно рассматривать как единое смысловое «поле», где прерывисто-непрерывно развивается единая сквозная тема о мужском и женском началах человеческой души.

Summary

S.V. Sintsova. Concealed Development of Gender Motives and Images in “Dead Souls” by N.V. Gogol.

The article reveals some associative bonds between “Dead souls” (mostly its two first chapters) and other N. Gogol’s novels in terms of gender problems. It is supposed that due to these associations, we can speak about a complex and diverse intertext formed in the writer’s works, which is based on the problem of relations between male and female natures of human souls.

Key words: N.V. Gogol, gender, associations, motives, intertext.

Источники

МД – Гоголь Н.В. Мертвые души // Н.В. Гоголь. Собр. соч.: в 7 т. – М.: Худож. лит., 1978. – Т. 5. – 541 с.

Литература

1. *Гуковский Г.А.* Реализм Гоголя. – М.; Л.: ГИХЛ, 1959. – 529 с.
2. *Синцов Е.В., Синцова С.В.* Феномены власти в художественно-философском осмыслении. – Казань: Изд-во Казан. энерг. ун-та, 2008. – 300 с.
3. *Синцова С.В.* Гендерный подтекст «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2010. – Т. 152, кн. 2. – С. 65–77.
4. *Лотман Ю.М.* Пушкин и «Повесть о капитане Копейкине». К истории замысла и композиции «Мертвых душ» // Ю.М. Лотман. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. – М.: Просвещение, 1988. – С. 235–251.
5. *Манн Ю.* Поэтика Гоголя. – М.: Худож. лит., 1988. – 413 с.
6. *Меркулова И.И.* Хронотоп дороги в русской прозе 1830–1840 годов: Дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2007. – 221 с.
7. *Синцова С.В.* Мистические и культурно-художественные контексты повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» // Пространство культуры. – 2009. – № 4. – С. 154–167.

Поступила в редакцию
09.02.11

Синцова Светлана Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры русского и татарского языков Казанского государственного энергетического университета.

E-mail: esintsov@mail.ru